

Н. Попова

ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ + РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова Н.

П58 Ловец человеков + Ради всего святого / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 364 с. — (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-11780-9

Первое дело молодого инквизитора Курта Гессе, недавнего выпускника академии Конгрегации, откомандированного в глухую провинцию, кажется надуманным и безосновательным. Но чем глубже Курт погружается в расследование, тем отчетливее понимает: тут что-то не так. Неужели в землях барона фон Курценхальма действительно появился вампир? А может, кому-то просто выгодно, чтобы все думали именно так?..

BIC FM

BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11780-9

© Надежда Попова, текст, 2021

© Анастасия Белецкая, обложка, 2021

© РИПОЛ классик, оформление, 2024

© Т8 RUGRAM, оформление, 2024

© Т8 Издательские технологии, 2024

Рассказ «Ради всего святого» был написан еще в 2002 году, за четыре года до первой книги, когда никаких мыслей о чем-то большем еще не было. Можно сказать, что весь цикл «Конгрегация» впоследствии вырос именно из этого рассказа, написанного когда-то по наитию, спонтанно, из заложенной в нем идеи.

РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО

(Квазипьеса)

Num quid lex nostra iudicat hominem nisi audierit ab ipso prius et cognoverit quid faciat

(John, 7; 51)¹.

ТРИ БЕЗЛИКИЕ ФИГУРЫ
ХАНЦ ВОЛЬФ, травник
БАРБАРА ГРЕФ (упоминается)
ПАЛАЧ
СЕКРЕТАРЬ
ЭЛЬЗА ШВАГЕЛЬ (упоминается)
ТОЛПА (незримо присутствует)

Смирненное свидетельство Барбары Грег перед Высоким судом и Всеблагим Господом:

«Я, подательница сего, в девятый день месяца августа года от Рождества Христова 1354 имела беседу с травником Ханцем Вольфом. Проходя мимо него полем, я услышала, как он просит меня дать ему яблоко из тех, что я несла в корзине. Я дала ему яблоко, побуждаемая христианским милосердием. Он же не отошел от меня, а стал вести разговор о том, что я бедна, а моя единственная родственница, дочь сестры моего покойного отца, удачно вышла замуж и теперь наслаждается земными благами. После Ханц Вольф сказал мне, что если бы муж моей родственницы умер, оставив ей все свое состояние, и моя родственница умерла, оставив по завещанию все, что имела, мне, я бы стала богатой.

¹ Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает? (лат.) (Иоанн, 7;51).

Он говорил долго и проникновенно, так что я, сама не зная почему, согласилась с его слова-ми и сказала, что это было бы хорошо. Тогда Ханц Вольф спросил у меня, что бы я могла отдать, чтобы так все и случилось. Я в каком-то ослеплении сказала, что отдала бы все, что бы ни попросили у меня. Ханц Вольф на это ответил, что он может устроить все так, что и муж моей родственницы отпишет ей все, забыв про свою родню, и моя родственница отпишет все мне, забыв о детях своих, и что оба они умрут, и никто не увидит в том ничего подозрительного. Тогда я спросила, чего он за это желает. Ханц Вольф сказал тогда, что за это я должна буду дать ему денег из будущего наследства, сколько он запросит, и отдать ему детей моей кузины, не спрашивая, для каких целей и что с ними случилось. И я на это согласилась.

Ханц Вольф тогда велел мне клясться моей душою, что я не нарушу договора, а если нарушу, он придет ко мне и заберет мою жизнь, а душу погубит. Я поклялась ему душою.

В пятнадцатый день того же месяца того же года я от соседки узнала, что муж моей родственницы упал на охоте с седла, и шея его сломалась, а все деньги стали принадлежать моей родственнице, и все его родственники оттого в страшном гневе и горе. Я испугалась, потому что увидела, что все исполняется, и стала молиться, прося Господа простить меня и смиловаться над моей родственницей и мною, и тогда Ханц Вольф явился мне. Но не во плоти, а как будто бы он был дым или призрак, и стал мне грозить, что убьет меня, а душу мою отдаст своему господину Дьяволу, которому он служит. Я испугалась еще больше и молиться перестала вовсе, ни ко сну, ни на рассвете, ни перед пищей не молилась.

А еще через день родственница моя слегла будто бы с нервной горячкой, и теперь жизнь ее уходит, а виновны в том я и Ханц Вольф. Смирненно прошу за то меня простить Господа Всеблагого и Высокий суд матери-церкви нашей, на чью милость теперь я уповаю и вручаю жизнь свою и душу ей и Высокому суду.

Готова повторить все написанное и сказанное секретарю Высокого суда снова и снова и за-свидетельствовать пред Господом каждое слово, которое есть истинная правда».

* * *

— Я понимаю так...

Голос тихий и задумчивый, глубокий капюшон приглушает его еще больше, но под каменными сводами, где пока нет никого, кроме них троих, он звучит почти оглушительно.

— Я понимаю так, что речь п-пойдет о смерти адвоката Вернера?

— При условии, что в этих местах в последний раз умирали от падения с лошади на охоте в прошлом веке — да.

Фигура слева колыхнулась в тяжком вздохе, поменяв местами сложенные друг на друге ладони.

— Мы можем отложить допрос на час-другой, чтобы ты мог отдохнуть с дороги, брат.

— На том с-свете отдохну.

— Ну, как знаешь... Сейчас принесут все бумаги, изучишь дело в подробностях. Когда мы прибыли, нам тоже не удалось найти время для отдыха, сразу же приступили к допросу свидетельницы.

Второй вздох прозвучал уже не столько тяжело, сколько недовольно.

— Как же свидетельницы, если она прямая соучастница?

— Брат, она пришла к нам добровольно. Если бы не ее признание, никому и в голову не пришло бы, что здесь замешано колдовство. И после того, как ей позволили вернуться домой, ни разу не бывало, чтобы ей было велено явиться на допрос, а она это проигнорировала. Барбара Греф раскаявшаяся душа, и разве следует напоминать тебе, брат, что нам более, чем кому-либо, следует быть осмотрительнее в решениях?

— Не заводись. Я лишь не могу п-понять, к чему вы посылали за мной, если все и так ясно?

До этой минуты молчавшая фигура справа кашлянула с сомнением и поправила рукав, будто не зная, куда деть руки.

— Ясно-то оно ясно, да не ясно. Если б дело было лишь в том, чтобы просто вынести приговор преступнику, когда есть преступление, есть жертва и свидетель — тогда мы справились бы и вдвоем. Бывало и сложнее.

— Но?..

— Но здесь присутствует еще и неизвестный соучастник. Или расшатанные нервы свидетеля. Или излишнее рвение все того же свидетеля из-за этих расшатанных нервов... Да где же секретарь?

— Т-ты сам-то не нервничай, брат... Ну, хорошо, допустим, соучастник. А проблема в чем?

— Проблема в том, что это неизвестно... Хорошо, протокол потом посмотришь, а пока расскажу сам. Барбара Греф утверждает, что после последнего допроса к ней у церкви подошла женщина и велела ей опровергнуть свои показания. Якобы обещала превратить ее жизнь в ад, если она не отречется от своих слов, а если отречется, обещала наградить. Вот так.

— Ну. Женщину н-нашли?

— А дело в том, что, по утверждению свидетельницы, женщина не местная; по крайней мере, она ее раньше не видела... Если она ее вообще видела, и это, повторяю, не ее разыгравшееся воображение или желание помочь суду даже и лжесвидетельством. Сам понимаешь, что мы в некотором затруднении. Простые меры ни к чему не привели, никто больше женщину, подходящую под данное Барбарой описание, не видел.

— П-понимаю...

— Пытать саму свидетельницу? Она скажет, что угодно, когда окажется под пыткой. И даже если все сказанное правда, может взять свои слова назад лишь из страха.

— Нет, это н-не выход. А что обвиняемый?

— Ну что — обвиняемый... Как ты думаешь? Сама невинность. «Какие соучастники? Я не колдун»...

Когда приоткрылась дверь, все три фигуры повернули головы к вошедшему синхронно и так же одновременно выдохнули:

— Наконец-то!

— Прошу меня простить, — секретарь поспешно склонился, складывая на стол стопки исписанных листов.

— Дайте-ка...

Бумага зашуршала, переходя из рук в руки; секретарь притих в своем углу, без нужды перебирая перья. Тишина парила долго, тяжело повиснув под камнем сводов. Секретарь неподвижно замер и смотрел перед собой, изредка скашивая взгляд на трех людей за столом.

— Н-да-а... — вздохнула, наконец, фигура слева и, отложив лист протокола, снова сложила ладони на столе. — Откровенно говоря, я ожидал увидеть очередную провинциальную тяжбу.

— Ты так мало мне доверяешь, брат?

— Что ты. Просто слишком часто в последнее время ты стал обращаться за п-помощью ко мне там, где можно обойтись своими силами, а ты, — поклон вправо, — брат, уж прости меня, бываешь слишком нерешительным временами.

— Да что уж тут. Я и сам знаю. Но неужели скажешь, что здесь все просто, и мы напрасно тебя потревожили?

— Не скажу. Дело д-действительно непонятное. Оно и просто, кажется, а все-таки сложно... — невидимые в полумраке глаза нашли секретаря, и капюшон кивнул: — Пусть ведут.

Дверь за секретарем закрылась с таким тяжким скрипом и лязгом, что фигура слева обернулась.

— Н-да... И... Вопрос немаловажный, б-братья: протокол дознания — без купюр?

— Конечно. Ведь протоколы только для сугубо внутреннего пользования; все точно, от первого до последнего слова, как же иначе.

— По-разному, брат, по-разному... — один из листов снова зашуршал под руками. — Бывает и так, что не все можно д-доверять бумаге. Господь наградил вас проницательностью, но кое-что, братья мои, достигается опытом и знанием определенных правил... Почему вам и п-пришлось, собственно, посылать за мной.

* * *

Вопрос. Хочешь ли ты сознаться в сотворенном тобой бесчинстве прямо, откровенно и добровольно, чтобы облегчить свою участь и получить прощение Господа?

Ответ. Мне не в чем сознаваться, я ничего не сделал, я не знаю, за что я здесь.

В. Травы, порошки и мази, найденные в твоём доме, все ли принадлежат тебе, или что-то из них тебе незнакомо?

О. Я не знаю, я просто не могу знать этого — я ведь не видел, что у меня забрали. Если вы мне покажете что-то, я тогда смогу сказать, мое оно или нет, но я не могу знать обо всем, что можно

найти в моем доме. Ведь если кто-то хочет меня оклеветать, мне можно подбросить все что угодно — меня почти не бывает дома.

В. По какой причине?

О. Потому что я собираю травы, я почти всегда в полях или в лесу.

В. Зачем ты собираешь травы?

О. Я просто знаю, какие из них от каких болезней надо пить или прикладывать, я их собираю и даю людям, только и всего.

В. Ты лечишь людей?

О. Только отварами и припарками из растений, которые людям давал Господь от сотворения мира! Ведь не грех же использовать в пищу яблоки, от которых польза зубам? Ведь это — не грех? Значит, и готовить отвары из березовых листьев, если мучит ломота в суставах, тоже не грех!

В. Итак, ты помогаешь людям? Ответь просто.

О. Да.

В. Тогда кто и за что может пожелать оклеветать тебя?

О. Я не знаю.

В. У тебя есть ненавистники?

О. Я не знаю... но ведь ненавистники — они всегда так, о них не знаешь, пока они не ударят в спину... Это я так, образно, не в прямом смысле...

В. Ты мог кому-то навредить?

О. Своим лечением? Не знаю. Не думаю. Я ведь еще слишком мало знаю, а потому не могу лечить серьезных, опасных болезней. Поэтому, если б я и ошибался в диагнозе и дал не то лекарство, никакого серьезного вреда это не принесло бы. Я имею в виду такого, чтобы за это желать мне смерти...

В. Почему ты заговорил о смерти?

О. Ну... я ведь... я ведь здесь...

В. И ты так уверен, что тебя непременно ждет смерть? Почему?
Обвиняемый не дал ответа.

В. Отвечай суду.

Обвиняемый не дал ответа.

В. Ты уверен, что Высокий суд предвзят к тебе?

Обвиняемый не дал ответа.